

Ф И Л О С О Ф И Я

ФИЛОСОФСКИЕ МЕДИТАЦИИ

СОПРИЧАСТНОСТЬ МИРУ

© Г. В. Мелихов

Мир, открывающийся человеку благодаря его сердцу, – такова основная тема настоящей статьи, которую автор разрабатывает в сопряжении с идеями Ф. Достоевского, Мейстера Экхарта и М. Хайдеггера.

Ключевые слова: мир, бытие, целостность, сопричастность, сердце.

Мелихов

Герман Владимирович

кандидат

философских наук

доцент кафедры общей

философии философского

факультета

Казанский государственный

университет

Обыденное сознание избыточно представляет представления о том, кто такой философ и чем он занимается. Многие из этих представлений крайне неприглядны, но почему-то им охотно веришь. Вот, например, возьмет кто-то, да и проаттестует хорошенько: «Философ, надо сказать, отъявленная шельма – плут, каких еще и не сыщешь сразу». Послушаешь обидные слова эти, возропщешь сначала – как такое возможно? А потом подумаешь неспешно и согласишься: а ведь он – этот кто-то – прав¹. В самом деле, о чем это так усердно

¹ Поверьте на слово преподавателю философии, который на своем опыте убедился в правоте совета Л. Витгенштейна (Н. Малкольму): «Но помни: ты должен быть на высоте! Это значит, ты не должен дурачить ни себя, ни студентов. Ибо, если я не ошибаюсь, именно этого и будут ожидать от тебя. Будет очень трудно не делать этого, может быть, даже невозможно... Искушение обмануть самого себя будет у тебя непреодолимым (как и у любого другого на твоём месте). Только чудом ты сможешь работать честно, преподавая философию». См.: *Малкольм Н. Людвиг Витгенштейн: воспоминания* // Людвиг Витгенштейн: человек и мыслитель. М., 1993. С. 43.

Г. В. Мелихов

хлопочет «современный» философ, суетится все время, подобострастно заглядывая в глаза первому встречному? Правильно, есть у него свой интерес: мотается он, как какой-нибудь коммивояжер, от одной души к другой с одной-единственной целью – «за здорово живешь» «впарить» кому-нибудь копеечную «идею», благозвучную, но негодную к употреблению. А вот, кто-нибудь, да и «клюнет». Главное – уметь расположить к себе случайного собеседника: доверительно смотреть ему прямо в глаза, улыбаться и говорить, говорить, говорить... Глядишь: вот и дозрел клиент, впал в легкий транс – теперь он ваш всецело... Чем не портрет философа – уверенного в себе «говоруна», беззастенчиво вводящего в заблуждение неокрепшие души, разумеется, ради личной выгоды. Вот уж действительно: сильной стороной «философа» являются его незаурядная внешняя привлекательность, небольшая толика рассудочного дара и способность ловко обращаться со словами.

«А может быть, – сочувственно рассуждает кто-то другой, – сила философа заключена в его мысли?» Философ – мыслитель. Мастерски сплетает он множество разных смыслов в один восхитительный узор, в котором мы неожиданно узнаем свои собственные мысли о жизни или о себе. Нет сомнений: дело философии – это дело мысли. Испокон веков мыслители бредили основания всего, приводили в движение целые эпохи, вскрывали глубинные причины текущих событий, восхищая или возмущая своих современников – пусть себе волнуются. Какое мыслителям дело до заплесневелых суждений своих соотечественников, до их нескончаемых имущественных разногласий, до их вечной суеты вокруг своих сомнительно надежных убежищ (как же иначе сохранить нажитое?) Неужели это и есть жизнь? Конечно, нет. Настоящая жизнь причастна иному. Философ захвачен мыслью, которая увлекает его высоко в небо, все выше и выше – туда, где сходятся бок о бок человеческое и нечеловеческое, где тесно сопрягаются друг с другом «наш мир» и «мир иной», где все сразу решительно подводится к одной, объясняющей многое, итоговой черте – Единому, Благу, Разуму, Абсолютной идее, Трансцендентальному Я, Бытию... Бог мой, не счесть ей (черте этой) имен. Что ж, тогда первая и основная добродетель философа – труд мысли, сосредоточенное и отрешенное от мира мышление, вторая – верность делу мысли. Других первостепенных добродетелей у него нет, все остальные вытекают из этих двух.

И ведь как это верно сказано: плетет философ кружева смыслов, карабкается старательно ввысь, норовя подвести все к одной черте... И надо же случиться такому, вот мы и на вершине – выше некуда: причина всего найдена, основные различия установлены, все строго обосновано и соотносено друг с другом, но откуда это чувство – что-то не так? Неужели в идеальной конструкции нашей содержится изъян? Или это мы слишком разборчивы – и так нам нехорошо, и эдак плохо? Что же нас беспокоит? Отсутствие полноты и целостности. Как будто подвели нас к порогу, распахнули двери, а дальше пускаться не стали – иначе, мол, двигаться надо. А как – не сказали. И всего-то осталось один только

шаг сделать и переступить черту, разделяющую «это» и «то», «мое» и «иное». Хочется, да не может. Придется, видимо, искать другие пути. А что если самое главное, *последние* – предмет неустанной заботы философа, воспринимается как-то иначе, не одним интеллектом, а, например, еще и *сердцем*? Вот Сократ: как-то он замер – один, посреди уличной сутолоки, на целый день, а потом еще и на ночь, забыв обо всем на свете. Сократ занят чем-то серьезным – он самозабвенно размышляет. Это вызывает уважение, удивляет: поразительная, нечеловеческая сила концентрации. А может быть, тогда произошло нечто иное, и Сократ вовсе не думал? Возможно, мы застали его в тот момент, когда дух его, пытаясь проникнуть в распахнутую дверь, перерождался².

Есть мыслители-львы. Они ищут силу и находят ее в мышлении, поднимаясь с его помощью так высоко, как это возможно для мысли; они итрают своей силой, получая удовольствие от свободного парения на большой высоте; они *знают* причины всего и живут отрешенно от мира. Не так много можно найти мыслителей-львов, но еще меньше среди них тех, кто способен переступить порог своей собственной мысли. Еще больше, чем знать, хотя бы *быть* – всем своим существом чувствовать «самое важное», хотя бы на миг став им. Однажды дух этих мыслителей перерождается, и они перестают искать «причины всего», потому что обнаруживают их прямо в своем сердце. Это – мыслители-дети. Дух философа, ставший ребенком, способен совершить то, что практически никогда не удается сделать сильному и удачливому льву – действительно быть сопричастным миру. Тогда философ – и не философ вовсе, а нечто большее. Или меньшее, кому что нравится больше. А может быть, он просто «нормальный человек»?

Давно уже было замечено: прежде мысли есть нечто еще, тесно с нею связанное. Мысль рождается из нашей причастности миру или свету. Значительность мысли придает не только глубина ее предметного содержания, но и ее открытость свету, которую утаить, если она есть, никак не получится. В этой открытости – единственная, достойная внимания *сила* мысли, влекущая к себе или отталкивающая. Поэтому, прежде чем мыслить, мы должны уже оказаться в мире. Но осторожнее: легко спутать мир с жизнью, которая окружает нас своими условиями – социальными, политическими, экономическими, культурными. Ничего подобного! Располагая себя в *окружающих* условиях, мы рискуем не встретиться с мыслью, озаренной светом. Захватит нас жизнь, сорвет с места и понесет куда-нибудь далеко. Но самое-то главное находится совсем не там, а рядом, в непосредственной близости от нас. Нет надобности искать «главное», достаточно прийти с ним в *соответствие*.

² «Три превращения духа называю я вам: как дух становится верблюдом, львом верблюд и, наконец, ребенком становится лев». См.: *Нилше Ф.* Так говорил Заратустра // Сочинения в двух томах. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 18.

Но как это возможно? Мир как *целое* – это всего лишь абстракция, для нужд повседневной жизни малоприспособная. Коррелят сознания. Нечто неопределенное и уж точно не близкое. Как можно прийти с ним в соответствие? Думать о мире в *целом* – привилегия людей праздных и легкомысленных, а это мы, разумеется, позволить себе не можем. Да и что можно добавить к тому, что сказал некогда Кант: «Мир – это практическая идея, позволяющая нам обратить внимание на *связь* разумных и нравственных существ между собой, руководствующихся в своих поступках высшим благом. Мир, таким образом, это прежде всего *моральный мир*³. Что здесь добавить? Пожалуй, только одно: связь людей между собой можно «выводить» в том числе и прямо из нашего сердца. Мир – не только интеллигентная идея, *мир – это наше сердце*. Свет, придающий силы, исходит оттуда.

Стало быть, все, что от нас требуется, – это прийти в соответствие с нашим сердцем. Мы ищем мир где-то вонне себя – в окружающих нас объектах или поступках людей. Но мир – это и мы сами, переродившиеся, подобно Алеше Карамазову, в какие-нибудь несколько вдохновенных минут. «Он (Алеша. – Г. М.)... вдруг, круто повернувшись, вышел из кельи. Он не остановился и на крыльчке, но быстро сошел вниз. Полная восторгом душа его жаждала свободы, места, широты. Над ним широко, необозримо опрокинулся небесный купол, полный тихих сияющих звезд. С зенита до горизонта двоился еще неясный Млечный Путь. Свежая и тихая до неподвижности ночь облетела землю. Белые башни и золотые главы собора сверкали на яхонтовом небе. Осенние роскошные цветы в клумбах около дома заснули до утра. Тишина земная как бы сливалась с небесною, тайна земная соприкасалась со звездною.. Алеша стоял, смотрел и вдруг как подкошенный повергся на землю. Он не знал для чего обнимал ее, он не давал себе отчета, почему ему так неудержимо хотелось целовать ее, целовать ее всю, но он целовал ее плача, рыдая, обливая своими слезами, и исступленно клялся любить ее, любить во веки веков. «Облей землю слезами радости твоя и люби сии слезы твои...» – прозвучало в душе его. О чем плакал он? О, он плакал в восторге своем даже и об этих звездах, которые сияли ему из бездны, и «не стыдился исступления сего». Как будто нити ото всех этих бесчисленных миров божьих сошлись разом в душе его, и она вся трепетала, «соприкасясь мирам иным». Простить хотелось ему всех и за все и просить прощения, о, не о себе, а за всех, за все и за вся, а «за меня другие просят», – прозвенело опять в душе его. Но с каждым мгновением он чувствовал явно и как бы осязательно, как что-то твердое и незыблемое, как этот свод небесный, сходило в душу его. Какая-то, как бы идея воцарялась в уме его – и уже на всю жизнь и на веки веков. Пал он на землю слабым юношей, а встал твердым на всю жизнь бойцом и сознал и почувствовал это вдруг, в ту же минуту своего восторга. И никогда, никогда не мог забыть Алеша во всю жизнь

³ Кант И. Критика чистого разума // Сочинения. В 8 т. / И. Кант И. Т. 3. М., 1994. С. 590–592.

свою потом этой минуты. "Кто-то посетил мою душу в тот час", – говорил он потом с твердою верой в слова свои...»⁴.

Трудно писать о вещах столь тонких и деликатных... Как войти в распахнутую перед нами дверь? Как переступить заветный порог? Сказано: искать нужно встречи со своим *сердцем*. Легко сказать, да сделать трудно! Не о пресловутых «техниках» идет речь (нажал кнопку – on, отжал – off⁵), а о принципах. Всем хорошо известно, что такое наше *сердце*. Просто в суете повседневных дел своих мы не обращаем внимания на самые глубокие свои чувства, не даем им проявиться в полной мере. Обругать кого, сорвать с себя зло – это пожалуйста. Разрядились... Но почему-то тончайших «трепетаний» души нашей мы стесняемся. Не перед кем-то другим, что, может быть, и не зазорно, но даже перед самими собой. Пугаемся и отгоняем их прочь, еще не успев распознать, что все это означает и к чему ведет. Алеша Карамазов узнал о своем *сердце*, когда явственно, «осозательно» осознал в себе присутствие *единачаей* все сущее силы, величественной и «незыблемой», подобно «своду небесному». И тут же, вместе с этим чувством пришло к нему понимание, сразу же приобретенное характер твердого убеждения, – жизнь человеческая бессмертна, потому что простирается далеко за пределы эго, сливаясь с тишиной небесной, соприкасаясь с тайной звездной, а раз так, то и смыслом своим имеет она сострадательное, милосердное отношение ко всем другим людям. Оно-то, убеждение это, и делает юношу зрелым мужем. Оно-то и раскрепощает, делая по-настоящему свободной нашу мысль, придает ей невиданную прежде широту. Заурядных графоманов превращает в серьезных писателей, обычно рассуждающих людей – в глубоких мыслителей. Впрочем, кто такой Алеша Карамазов? Так, почти ничто – идея Ф. М. Достоевского, спокойного человека и эпилептика. Правда, одна из любимых его идей, в которую он вложил сокровенные свои переживания. Идея, прямо говоря, странная, да и выраженная совсем не по-философски: «Нет иностранных слов, нет школьной терминологии, нет академического штемпеля: значит, не философия»⁶. Страшно, однако.

Не обойтись нам, видимо, без «настоящих» философов... Но вот опять осечка. Кто такой Мейстер Экхарт? Едва ли и он философ (Бог их разберет, чем они там, на излете Средневековья, занимались). А между тем, слова его, хотя и принимаем мы их за метафору, все же полезны. Неужто мы не воспользуемся ими только потому, что кто-то по каким-то ему только ведомым причинам растасовал всех мыслителей по рангам, определив раз и навсегда подобающее для каждого из них место?! «Как истинно, что Отец в Своей простой божественной природе рождает Сына, так

⁴ Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы // Собрание сочинений в 15 т. / Ф. М. Достоевский. Т. 9. М., 1991. С. 405–406. (Книга седьмая, глава IV. «Кана Галилейская»)

⁵ Эк, нашлись бы «добрые люди», показали бы, на что жать нужно, я бы сразу «в дамки» без всех этих глубокомысленных рассусоливаний и прыгнул.. Вот счастье-то! Идиота обжкновенного.

⁶ Шестов Л. На весах Иова // Сочинения в 2 т. Т. 2. М., 1993. С. 42.

истинно и то, что Он рождает Его в сокровеннейшем духа. И это внутренний мир. Здесь Божья глубина – моя глубина. И моя глубина – Божья глубина. Здесь я пребываю вне моего, как и Бог пребывает вне Своего.. Из этой сокровеннейшей глубины должен ты творить все, что творишь без всякого «зачем». Я решительно утверждаю, что пока ты делаешь что-нибудь ради царствия небесного, ради Бога или ради твоего вечного блаженства, то есть ради чего-нибудь извне, ты воистину совсем неправ»⁷.

Ощущая свое *сердце* – «сокровеннейшее духа», – мы разрываем капсулу нашего маленького, тщедушного «я» и вздыхаем полной грудью свободного человека. («Здесь Божья глубина – моя глубина..»). В каждом из нас, убежден Мастер Экхарт, есть не тронутое никаким внешним воздействием «место» («сокровеннейшая глубина»), чуждое и влияния нашего маленького эго. Не затрагивают его ни перипетии экономической ситуации, ни политические коллизии, ни наши собственные мысли, волнения и тревоги. Это-то сокровенное «место» и есть *мир*, коснувшийся каждого из нас. Потому что мир – это не то, что нас окружает, и не то, что находится у нас «внутри», а *единство* всего того, что есть вовне и внутри нас. Бытие. Иногда наше *сердце* как бы отворяется, и в этот самый миг мы имеем возможность *почувствовать* бытие мира, единство всего сущего. Именно это чувство «раскрытого сердца» повергло Алешу Карамазова на землю, вынуждая его обливаться слезами радости от сознания своей сопричастности всему.. Видимо, это же чувство *бытия*, пока еще слабо выраженное, как бы мерцающее, едва дающее о себе знать, заставляло юного Павла Флоренского приходить к морю... «Свои детские и отроческие годы, – пишет о. П. Флоренский в своей автобиографической книге, – я провел в постоянном и ненасытном, и всегда ненасытимом, созерцании моря»⁸. Вокруг этого созерцания моря собиралась вся эмоциональная и интеллектуальная жизнь молодого Флоренского: и восприятие времени, и переживания тончайших движений своей души, и понимание отвлеченных реалий математических теорий – все это и еще многое другое было откликом его души на «основной вопрос о *жизни Моря*»⁹. Море олицетворяло собой целый мир – индивидуальный, конкретный и в то же время таинственный, исполненный вечности, в жизни которого юный Флоренский старался соучаствовать всеми своими силами, остро ощущая свое глубинное родство с ним. Оно же – Море – было центром, *сердцем* всего его существа.

Бытие мира совпадает с сокровенной жизнью нашего сердца. Не нужно быть Алешей Карамазовым или Мейстером Экхартом, чтобы понять это. Каждый день мы ходим на работу, общаемся с коллегами и близкими людьми, выполняем массу самых разных вещей, нужных и бессмысленных, но стоит нам *главное* в своем деле или в своих отношениях исполнить

⁷ Мейстер Экхарт. Духовные проповеди и рассуждения. М., 1991. С. 24.

⁸ Флоренский П., священник. Детям моим. Воспоминания прошлых дней. Генезис исследования. Из Соловецких писем. Завещание. М., 1992. С. 45.

⁹ Там же. С. 56.

без участия сердца нашего... Нет, с нами ничего особенного не случится, упаси Боже! Но в том-то и дело, что все будет, как всегда, «хорошо»: есть работа, есть достаток. Но откуда это вечно плохое к вечеру настроение, ощущение отсутствия смысла происходящего, еле различимая, неприметная депрессия? Почему мы чувствуем себя так, словно разбиты на части, дезинтегрированы?

Единство всего сущего можно толковать по-разному. Привычной для нас является объективистская точка зрения, согласно которой мир во всей его внешней красе и внутренней связи – один департамент, а человек – совсем другой. Поэтому, граждане, не торопитесь с отправкой корреспонденции, проверьте все еще раз, есть основания беспокоиться: местонахождение адресата можно перепутать. Мейстер Экхарт настаивает: нет такой проблемы, корреспонденцию сортировать не нужно, потому как вся она, рано или поздно, обязательно придет на один адрес. Единство сущего может раскрываться человеку как целостность его и мира («Здесь я пребываю вне моего, как и Бог пребывает вне Своего»). Быть целостным означает быть самим собой и одновременно другим. Потерять себя, растворившись в созерцании переливчатой жизни моря, и благодаря этому, может быть, впервые в нашей жизни, встретиться с исконной своей глубиной, найти себя самого.

Разные постройку можно возводить на почве этого чувства бытия – идеологию «всемства», философию всеединства или фундаментальную онтологию. Лучше, конечно, философию, чем идеологию. Но, может быть, не менее важно просто жить в согласии со своим сердцем, сопереживая другим людям, мучаясь совестью, радуясь успехам хороших знакомых и т.д., – разве и это все не выражает нашу заботу о целом, о бытии мира? Жизнь в согласии со своим сердцем философична до всякой философии. Мысль рождается из нашей причастности свету, исходящему из сердца. Так может быть, стоит вернуть философии сердце?

Еще одна мысль Мейстера Экхарта заслуживает внимания. Искомая нами целостность, в которой выражается сопричастность человека миру, не является целью, какой бы благой она ни была. Это значит: то, что мы ищем, найти нельзя. Целостность – не вещь, руку не протянешь и не возьмешь. Целостностью невозможно обладать. «Технику» можно использовать, мысль можно пересказать своими словами, а вот целостность взять, использовать и «пересказать» вряд ли возможно. Но как подойти к ней? Осторожно и обходными путями. Формируя в себе другой образ жизни, а вместе с ним и другой образ восприятия. Развивая внимательность и восприимчивость к самым неожиданным и странным чувствам, позволяя себе быть доверчивым и сердечным. Встреча человека с миром – это его встреча со своим сердцем. Целостность не нужно искать, она уже есть в нашем сердце. Поэтому все, что от нас требуется, – это раскрыть свое сердце тому, что находится рядом с нами в настоящий момент.

Иной раз невольно остановишься, пройти мимо никак нельзя: один философ, надо полагать, лев, ругает, положим, в некой рецензии своей книгу другого философа, по всей видимости, ребенка, – неверно мыслит товарищ! И ведь правильно ругает. За дело. И метод у него никакой, и философию он понимает наистраннейшим образом, и Классика толкует он некорректно, по-свойски подставляя везде свои мысли.. И сам он, вообще, кто такой есть? Вульгарная копия другого Классика. Возможно, все так оно и есть. Но почему даже ошибки поруганного философа выглядят ценнее, живее, интересней самых правильных мыслей рецензента? Наверное, дело в нас – мы слишком легковверны. Так и выходит с точки зрения рецензента: водит нас за нос философ-кудесник, разыгрывая перед непросвещенной публикой дешевую постановку. Льва провести невозможно. А мы, ну просто как дети, стоим зачарованные, созерцая нехитрые манипуляции «на пальцах». А может быть, нам, детям, этого только и нужно, потому как даже неправильные мысли могут исходить из чистого сердца... Философ – не ученый, не все в его писаниях можно фальсифицировать. И не несут ли в себе ошибки философа, заблуждения его и неточности следы обретенной, хотя бы на одну секунду, целостности? Уж не это ли нас завораживает – нечто подлинное и живое¹⁰?

А что если и впрямь истоки философствования искать надо не где-либо, а в том, что названо целостностью человека и мира? Вот М. Хайдеггер – определенно философ – как будто подтверждает мысль эту: «Человек может ощутить себя посреди сущего в целом в свете некоего настроения, которое приходит в переживании тоски или ужаса»¹¹. Внимательно всматриваясь в беспокоящие нас, колкие и едкие чувства¹², мы можем «поймать» настроение, которое возьмет, да и выведет нас за пределы собственного эго, даст почувствовать нечто большее, чем есть мы сами. Сущее в целом. И ведь прав М. Хайдеггер, так и происходит. Тоска, например, может быть симптомом серьезного внутреннего разлада: человек занимается работой, но не лежит у него к ней душа, а себе признать – в этом он не желает, от чего-то в работе своей сильно зависит. Наоборот, придумывает целый ворох свидетельств, говорящих о важности и серьезности мероприятия, – тут и прибыль для себя большая, и польза для людей немалая... Вот и охватывают его периодически ливневые приступы тоски, от всех его благонамеренностей отмывающие. И так все ста-

¹⁰ Впрочем, подобным образом влияет на нас и действительно стоящая мысль, неважно кому принадлежащая – льву ли, или ребенку. Так что нет в словах наших никакой ничему аполгии.

¹¹ Хайдеггер М. Что такое метафизика? // Время и бытие / М. Хайдеггер. М., 1993. С. 20–21.

¹² М. Хайдеггер допускает возможность и других чувств, настраивающих нас на бытие мира, например, он, правда вскользь, упоминает о переживании радости от встречи с любимым человеком, но анализ его все же сосредоточен на том, что нас тревожит и беспокоит, и в частности – на чувстве ужаса.

новится безразличным, никчемным, пустым. Все сбивается в один большой ком – мысли, чувства, приятное, нелюбимое, глупое, умное, ты сам, другие люди, работа, развлечения. Все это вдруг становится тебе одинаково ненужным – вот тебе и сущее в целом! Бытие мира оказывается для нас собранным настроением, рожденным из тоски – негативной эмоции. Обратим на это внимание: человек ощущает – бытие мира есть, но оно раскрывается *вне* целостности человека с ним. Если скука или тоска и соединяют нас с миром, то негативно, свидетельствуя о потерянной целостности, – мы чувствуем единство мира, но оно нам безразлично. Мы дезинтегрированы. Ну и что, что мир един. Мало ли, что есть на свете белом. Вы лучше скажите: мне-то как жить? Простите, это не по нашему департаменту, перейдите, пожалуйста, в здание напротив. Там вам рецепт пропишут. Да не рецепт нам нужен, понять бы, ответ найти... Эка вас прихватило. Мда... Но, прошу прощения, тороплюсь, тороплюсь, батенька...

То, что льву видится как Ничто, ребенок воспринимает как Целостность. Остается спросить: всегда ли путь ребенка – путь нефилософский?

Involvement in World

G. Melikhov

This article is a meditation on the personal involvement in world based on Dostoevsky's, Eckhart's experience of heart and Heidegger's concept of being.

Key words: World, being, integrity, involvement, heart.